

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169

Будущее исследований будущего: от технократии к новым моделям социальности*

Е.А. Коваль¹, С.Г. Ушкин²

¹Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Ул. Федосеевко, 6, Саранск, 430003, Россия

²Научный центр социально-экономического мониторинга
Ул. Б. Хмельницкого, 39А, Саранск, 430005, Россия
(e-mail: nwifesc@yandex.ru; ushkinsergey@gmail.com)

Статья представляет собой рецензию на книгу Дж. Урри «Как выглядит будущее?» (Пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. С. Шукиной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.), посвященную множественным дискурсам социального будущего и методам его исследования. Автор, соруководитель Института социального будущего в Ланкастере, отмечает, что многие футурологи акцентируют внимание на новых технологиях, однако ключевым элементом судьбоносных инноваций являются социальные явления. Описанный в книге подход характеризует основные аспекты исследований будущего: оно множественно, и различные его образы поддерживаются разными акторами и конкурируют друг с другом; в обсуждении будущего должны участвовать все заинтересованные субъекты — государства, рынки, институты гражданского общества, частные лица; чаще всего будущее изучается с помощью индивидуалистического, структурного методов и подхода теории сложных систем; будущее необходимо не планировать, а координировать. В книге обосновывается необходимость изучения будущего для исправления настоящего посредством создания и трансформации социальных норм, практик и мировоззренческих установок.

Ключевые слова: будущее; утопия; антиутопия; нормотворчество; дискурс будущего; теория сложных систем; координация будущего

Будущее обладает высокой степенью неопределенности, поэтому разговоры о нем, как правило, страшат современных людей не меньше, чем огонь — первобытные племена. В разные времена познать будущее пытались и пророки, и колдуны, и писатели, и режиссеры, и успешность прогнозов подобных «экспертов» зависела от их личностных качеств — развитой интуиции и нетривиальных аналитических способностей.

В то же время будущее не только не определено, но и привлекательно — недаром оно было, есть и, вероятно, будет объектом притяжения исследователей,

* © Коваль Е.А., Ушкин С.Г., 2020.

Статья поступила 22.07.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

специализирующихся в разных областях научного знания. В частности, к идеалам будущего обращались классики социологии — О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, Ю. Хабермас и др., что во многом позволило укрепить их научный авторитет [11. С. 13]. Постепенно построение прогнозов перестало восприниматься в качестве атрибута социологической науки, и она сфокусировалась на изучении настоящего — постановке диагноза, но не лечении [14. С. 26]. Между тем характер социальности человека подразумевает, что он одновременно темпорально находится и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, поскольку его поступки определяются относительно устойчивыми установками, которые, тем не менее, могут корректироваться.

Соответственно, исследования будущего обладают нормотворческим потенциалом. Изучение динамики социальных практик позволяет перейти от диагноза к лечению, одним из способов которого выступает трансформация социальной нормативности. Подобный импульс в изучении проблем будущего характерен для работ футурологов — М. Маклюэна, Е. Масуды, Дж. Нейсбита, Э. Тоффлера и др., которые сместили акцент с трансформаций социальности на технологические детерминанты общественного развития. При этом в разработке сценариев будущего преимущественно использовались три инструмента социального проектирования — гаджеты, семиотические фантомы и сознательное конструирование правовых систем (законодательства) [5. С. 67]. В то же время, говоря о роли футуролога, Б. Стерлинг отмечает, что он не должен быть пророком и, более того, не должен одерживать блестящие победы над будущим — он должен всего лишь предсказывать настоящее [12. С. 14].

В последние годы мы наблюдаем новый виток интереса социальной мысли к проблемам будущего. Способствовали этому работы французского экономиста Т. Пикетти, прославившегося исследованием причин и последствий неравенства доходов [8]. Основываясь на теоретических предпосылках марксизма, он, используя исторические и статистические данные, эмпирически доказывает и обосновывает усиливающуюся поляризацию населения по уровню дохода, которая пока не имеет действенных механизмов самокоррекции. И ведущие социологи достаточно быстро приняли идеи Пикетти: уже в ходе XVIII Всемирного социологического конгресса «Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии», который прошел 13—19 июля 2014 года в Йокогаме, они заговорили о принципиально новой повестке дня, которая не сводится к анализу глобальных проблем турбулентного мира, но предполагает активное включение в диалог, попытки построения более справедливого общества [1. С. 3; 4. С. 15]. Многие периодические издания на своих страницах организовали научные дискуссии по поводу будущего, а различные научные и неакадемические структуры инициировали ряд симпозиумов и конференций, впоследствии ставших регулярными [см., напр: 11. С. 14—15].

Сформировавшийся полилог, включающий в себя различные дискурсы будущего, позволяет зафиксировать следующий парадокс: с одной стороны, прогно-

стические возможности человека значительно возросли, и версия будущего в трактовке современного социолога, как правило, будет более достоверной, чем версия средневекового колдуна; с другой стороны, быстрое развитие технологий погружает исследователя в прогностический хаос, где вероятность реализации того или иного сценария будущего крайне мала, поскольку появляется слишком много вводных факторов.

В сложившихся условиях важное значение обретает последняя работа известного британского социолога Дж. Урри «Как выглядит будущее?», которая была опубликована на английском языке в 2016 году, а через два года переведена для российского читателя. В ней не просто описываются перспективы «реальных утопий» (например, изменения процессов производства путем внедрения технологий 3D-печати, цифровизации городской среды, Интернета вещей и т.д.), но и предлагаются аналитические механизмы, основанные, в первую очередь, на теории сложных систем [см., напр.: 10], и подчеркивается нелинейный характер внедряемых инноваций, во многом зависящий от эффекта «черного лебедя» [см., напр.: 6; 13].

По сути, Урри опубликовал не столько научную монографию (хотя, она, безусловно, таковой является), сколько манифест исследователей будущего, в котором он постоянно акцентирует внимание читателя на пяти важных положениях. Первое заключается в том, что в процесс размышлений о будущем (необходимо отметить, что Урри отказывается от термина «планирование» как несущего в себе определенную идеологическую окраску) должно быть вовлечено максимальное количество акторов — начиная с государства и заканчивая негосударственными организациями (с. 26). По мнению Урри, будущее представляет собой общую категорию, которая не должна быть приватизирована ни технократами, ни футурологами, ни экономистами, ни кем-либо еще. Более того, изучение будущего должно опираться не только на академические знания, но и на практику, а, точнее, на то, что Аристотель в «Никомаховой этике» назвал фронезисом (или «практической мудростью») [2]. В подобном ключе рассуждал и А. Шюц, считавший, что «в социологическом смысле наиболее релевантным знанием является знание человека с улицы, иными словами, знания, „основанные на здравом смысле“, а не теоретические конструкции интеллектуалов» [цит. по: 3. С. 43].

Полноценным полем конструирования подобного рода коллективных представлений может стать Интернет, который позволяет каждому пользователю включиться в любой избранный им дискурс будущего, что делает процесс исследования будущего более демократичным. Речь идет о том, что Дж. Кин называет «мониторной демократией» — новой исторической формой демократии, некой разновидностью «постэлекторальной» политики и правительства, определяемых быстрым ростом разных типов внепарламентских механизмов контроля власти [7. С. 104—105]. Но многообразие дискурсов будущего в условиях дефицита ресурсов приводит к конфликтному взаимодействию первых и ускорению исчерпания последних: «в мире, где идет борьба за разные варианты будущего, существует множество

неожиданных, „упрямых“ и „злостных“ проблем, включая возможность „коллапса общества“» (с. 285).

Второе положение вытекает из первого: социальность, имплицитно присутствующая, но все же относительно размытая, должна полноценно вернуться в сферу изучения будущего (с. 291). Урри последователен в своих идеях: еще в 1975 году, совместно с Р. Кит, он высказал идею, что социальные науки должны играть важные, освободительные роли в строительстве лучших миров, но только тогда, когда современный мир будет детально изучен [15]. Без полноценного участия социальных наук и социальных акторов мозаика будущего просто не сложится, поскольку многие изменения будут носить трудно прогнозируемый характер. Урри убедительно аргументирует свою позицию на примере 3D-печати (хотя можно упомянуть автомобили, персональные компьютеры, мобильные телефоны и т.д.), которая стала не только технологическим, но и социальным новшеством: повседневная доступность подобных устройств может привести к тому, что несложные товары не будут приобретаться в традиционных магазинах, а будут печататься у себя дома (или в специализированных центрах), и продавцы будут торговать не товаром, а программами и схемами его печати. Среди экономических последствий реализации такого сценария — сокращение количества заводских мануфактур и численности обслуживающих их работников.

Данный тезис Урри, по сути, представляет собой констатацию бунта социального будущего против технологического или экономического. Позиция, что социальная нормативность определяет трансформацию экономических, технологических и экологических процессов, задает совершенно новый подход к исследованию будущего, который позволяет «заземлиться», вырваться из плена неподвластных человеку изменений реальности. Так, например, скорость финансовых операций выходит за пределы человеческого разума: миром владеет не тот, кто производит товары и услуги, а тот, кто обеспечивает мгновенный оборот финансов и информации (с. 262—263). Чтобы избавиться от властных преимуществ финансовых элит, необходимо изменить ряд социальных норм, в частности, определенные перспективы имеет правовое нормотворчество, направленное на сокращение офшоризации экономики, локализацию производства товаров и услуг и внедрение «зеленых» технологий.

Третье положение Урри касается методологического арсенала науки о будущем: он выделяет три наиболее часто используемых подхода к его изучению — индивидуалистический, структурный и основанный на теории сложных систем. Первый направлен на исследование последствий решений и действий отдельных акторов; второй акцентирует внимание на изменениях надличностных систем в соответствии с их внутренними ритмами; третий (Урри отдает ему предпочтение) рассматривает эволюцию сложных нелинейных систем, объединяющих в себе личностные и надличностные особенности (что не противоречит наметившейся со времен Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и др. интеграционной парадигме в социологическом знании). По мнению Урри, простой экстраполяции,

которую предполагают первые два подхода, недостаточно, поскольку будущее многогранно, и его необходимо рассматривать комплексно, с привлечением различного эмпирического материала — результатов социологических исследований, литературы, искусства, кино, телевидения, компьютерных игр и многого другого (с. 11).

Следует отметить, что значительная часть работы Урри посвящена изучению утопий и антиутопий, а также произведений научной фантастики, которые ставят перед человечеством новые вопросы и способствуют осмыслению текущих и будущих страхов. Эти произведения рассматриваются не только как аналитический инструмент, но и как орудие саморефлексии и способ проектирования желаемого, пусть и не всегда достижимого, будущего. Утопии и антиутопии часто инициируют и ускоряют процессы социального нормотворчества, в некотором смысле реализуют функцию Сократа, который был «приставлен богом к государству, словно как к коню большому и благородному, но слишком ленивому из-за своей тучности, нуждающемуся в том, чтобы его подстрекали шпорой» [9. С. 68—69]. Образы «плохого» и «хорошего» общества «пришпоривают» исследователей настоящего, заставляя задумываться о будущем будущего.

Утопии и антиутопии порождают разные нормотворческие тенденции. Антиутопии становятся источником запретов и ограничений, акцентируя внимание на проблемах, зародившихся в прошлом и/или настоящем, которые препятствуют появлению желаемого будущего и способствуют реализации нежелательных сценариев, вплоть до катастрофических. Урри, в частности, анализирует такие антиутопии, как полный крах социальных устоев, атомизация общества, тотальный контроль, чрезмерная нормативная урегулированность социальных и экономических процессов, опустошение земли и установление диктатуры рукотворных киборгов (с. 139—143). Каждый вариант нежелательного будущего требует принятия в настоящем определенных мер, включая нормотворческие, чтобы не допустить воплощения антиутопии в жизнь. Так, предотвращение захвата власти киборгами требует контроля разработок в сфере новых технологий; чтобы избежать тотального контроля, необходимо уже сейчас вводить нормативные механизмы, обеспечивающие свободу слова и ограничивающие вторжение в частное пространство; атомизации общества препятствует обращение к традициям коллективизма, воспроизводство институтов гражданского общества и т.п.

Утопии, в отличие от антиутопий, активизируют нормотворчество, направленное на создание норм-дозволений и норм-предписаний, обеспечивающих возникновение и поддержание практик, которые с наибольшей вероятностью (с учетом специфики развития сложных систем) могут привести к желаемому будущему. Урри отмечает, что недостаток утопий, создаваемых киноиндустрией и писателями-фантастами, заключается в том, что они содержат детальное описание будущего, но в них нет практически ничего о механизмах его становления (с. 146). Следовательно, в гуманитарных исследованиях будущего этот пробел должен, насколько это возможно, восполняться.

Четвертое положение Урри касается необходимости координации будущего как достижимой альтернативы планированию. Координация, осуществляемая на основе демократического подхода всеми заинтересованным акторами с использованием доступных методов изучения социального будущего, позволит не пропустить те моменты, в которых поворот к нежелательным сценариям становится необратимым, и наиболее достоверно спрогнозировать, какие прошлые достижения приведут к инновациям, способным помочь обществу сделать шаг в желаемом направлении развития. Разумеется, прогностические возможности человека по-прежнему ограничены, но лучше, чтобы непредсказуемые изменения оказались приятными и полезными.

Урри убедительно описывает координацию будущего на примере проблемы изменения климата. В дискурсах климатического будущего активно участвуют такие стейкхолдеры, как национальные государства, рынки, институты гражданского общества, международное сообщество и даже будущие поколения, от имени которых говорят философы, правительства, неправительственные организации, эко-активисты и др. Обсуждаются как оптимистические, так и пессимистические версии будущего в контексте глобальных климатических изменений: сохранение статуса кво, антирост, экологическая модернизация, глобальная геоинженерия (с. 279—283). Очевидно, что эти сценарии несовместимы, поэтому мы наблюдаем борьбу дискурсов, победа в которой предопределяет выбор практик — возможно, будущих составляющих той самой инновации, которая в очередной раз перевернет мир.

Поскольку координация будущего требует принятия решений здесь и сейчас, отмечены попытки предотвращения климатической антиутопии (Киотский протокол, принятый в 1997 году в Японии; локальные способы сокращения выбросов парниковых газов; разработка альтернативных источников энергии, «зеленых» технологий и т.п.). Колоссальный вклад в постепенное изменение повседневных практик в целях сокращения «экологического следа» (термин М. Вакернагеля и У. Риса) [16], сопровождающееся (иногда предваряемое) ценностно-нормативными трансформациями, вносит экологическая этика. Это вид прикладной этики, в центре которой находится регулирование взаимоотношений человека и природы: в русле различных эколого-этических учений ставятся вопросы об ответственности перед нон-антропной природой и будущими поколениями, экологической справедливости, изменении пищевых и иных потребительских практик. Экологическая этика сегодня — источник нормативных инноваций, которые, возможно, приведут к воспроизводству если не климатической утопии, то климатического «хорошего общества» — достижимого и пригодного для жизни.

Наконец, пятое положение Урри гласит, что представление о будущем как о чем-то едином в корне неверно: будущее множественно и соотносится с различными временными режимами (с. 288). При его изучении особую значимость обретают контекстуальные взаимозависимости, которые могут переформатировать существующие социальные институты, практики и движения. Урри настаивает

на том, что комплексному пониманию различных вариантов будущего способствует изучение прошлого и настоящего. Оперирование категорией темпоральности оказывается весьма важным, поскольку способствует установлению казуальных взаимосвязей; другим важным параметром исследований будущего выступают сети — как новые инструменты его преобразования, особенно в случаях, когда сетевые отношения приводят к неожиданному развитию новых областей практики, пример чему — «цифровой утопизм» (с. 111).

Не случайно Урри в заглавие книги выносит знак вопроса: если кто-то попытается найти в ней ответы, то, скорее всего, будет разочарован. Книга лишь актуализирует широкий круг проблем, начиная с экологических катастроф и заканчивая цифровизацией городов, которые будоражат умы многих исследователей. Но рецензируемая работа не может не внушать оптимизм: по его мнению, все проблемы будущего решаемы, главное — найти правильные инструменты.

Библиографический список

- [1] *Абрахам М.* Наша задача — усилить роль социологии в формировании справедливого общества // Социологические исследования. 2015. № 7.
- [2] *Аристотель.* Этика / Пер. с древнегреч. И. Брагинской, Т. Миллер. М.: АСТ, 2002.
- [3] *Бергер П.* Священная завеса: элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: НЛЮ, 2019.
- [4] *Буравой М.* Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7.
- [5] *Ваганов А.Г.* Скелет будущего. Заметки к практическому пособию по конструированию социальных реальностей // Форсайт. 2008. № 2.
- [6] *Гладуэлл М.* Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам / Пер. с англ. В. Логвиновой. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- [7] *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- [8] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем, 2016.
- [9] *Платон.* Апология Сократа // Полное собрание творений Платона в 15 тт. Т. I / Пер. с древнегреч. С. Жебелева. Петербург: Academia, 1923.
- [10] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю. Данилова. М.: Прогресс, 1986.
- [11] *Романовский Н.В.* Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11.
- [12] *Стерлинг Б.* Будущее уже началось: что ждет каждого из нас в XXI веке? / Пер. с англ. И. Цибизовой. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- [13] *Талеб Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионова, О. Попова. М.: КоЛибри, 2011.
- [14] *Титаренко Л.Г.* Будущее общества сквозь призму взглядов зарубежных социологов // Социология. 2016. № 3.
- [15] *Keat R., Urry J.* Social Theory as Science. L.: Routledge, 1975.
- [16] *Wackernagel M., Rees W.* Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact on the Earth. Philadelphia: New Society Publishers, 1996.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии».

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169

Future research of the future: From technocracy to new models of sociality*

E.A. Koval¹, S.G. Ushkin²

¹Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
Fedoseenko St., 6, Saransk, 430003, Russia

²Research Center for Social-Economic Monitoring
B. Khmel'nitskogo St., 39a, Saransk, 430005, Russia
(e-mail: nwifesc@yandex.ru; ushkinsergey@gmail.com)

Abstract. The article is a review of the book by J. Urry *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the Future?] (Trans. by A. Matvienko; ed. by S. Shchukina. Moscow: Delo; 2018. 320 pp.) which describes multiple discourses of the social future and methods for its research. Its author, the co-director of the Lancaster's Institute for Social Futures, believes that futurologists focus on new technologies but the key element of crucial innovations is social phenomena. The book presents the following main aspects of the contemporary research of the future: the social future is multiple, and its various images are supported by different actors and compete; all stakeholders should take part in discussions of the future — states, markets, civil society institutions, individuals; as a rule, three methods are used to study the future — individualistic, structural and based on the theory of complex systems; the future needs not to be planned but rather coordinated. The book proves the necessity to study the future to correct the present by creating and transforming social norms, practices and value orientations.

Key words: future; utopia; dystopia; norm-creating; discourse of the future; theory of complex systems; coordination of the future

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00082 “Norm-creating in morality, law and religion”.

References

- [1] Abraham M. *Nasha zadacha — usilit rol sociologii v formirovanii spravedlivogo obshchestva* [Sociology's role in making of just society]. *Sociological Studies*. 2015; 7 (In Russ.).
- [2] Aristotle. *Etika* [Ethics]. Moscow: AST; 2002 (In Russ.).
- [3] Berger P. *Svyashchennaya zavesa: elementy sociologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]. Moscow: NLO; 2019 (In Russ.).
- [4] Burawoy M. *Sociologiya i neravenstvo* [Sociology facing the inequalities]. *Sociological Studies*. 2015; 7 (In Russ.).
- [5] Vaganov A.G. *Skelet budushchego. Zаметki k prakticheskomu posobiyu po konstruirovaniyu socialnyh realnostej* [Framework of the Future: Notes on Practical Guidelines for the Design of Social Realities]. *Foresight*. 2008; 2 (In Russ.).
- [6] Gladwell M. *Perelomny moment. Kak neznachitelnye izmeneniya privodyat k globalnym peremenam* [The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference]. Moscow: Alpina Publisher; 2018 (In Russ.).
- [7] Kin D. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: Izd. dom VShE; 2015 (In Russ.).

* © E.A. Koval, S.G. Ushkin, 2020.

The article was submitted on 22.07.2019. The article was accepted on 20.09.2019.

- [8] Piketty T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem; 2015 (In Russ.).
- [9] Plato. Apologiya Sokrata [The apology of Socrates]. *Polnoe sobranie tvoreniy Platona*. Vol. I. Petersburg: Academia; 1923 (In Russ.).
- [10] Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz haosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow: Progress; 1986 (In Russ.).
- [11] Romanovsky N. V. Budushchee kak problema sovremennoj sociologii [Future as an Issue of the contemporary sociology]. *Sociological Studies*. 2015; 11 (In Russ.).
- [12] Sterling B. *Budushchee uzhe nachalos: chto zhdet kazhdogo iz nas v XXI veke?* [Tomorrow Now. Envisioning the Next Fifty Years]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2005 (In Russ.).
- [13] Taleb N. *Cherny lebed. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. To Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri; 2011 (In Russ.).
- [14] Titarenko L.G. Budushchee obshchestva skvoz prizmu vzglyadov zarubezhnyh sociologov [Social future in the theories of Western sociologists]. *Sociology*. 2016; 3 (In Russ.).
- [15] Keat R., Urry J. *Social Theory as Science*. London: Routledge; 1975.
- [16] Wackernagel M., Rees W. *Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact on the Earth*. Philadelphia: New Society Publishers; 1996.